

Л.В.Рыжкова-Гришина, Рязань, Россия

«БУБЕН МИРОЗДАНЫЯ». РЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭЗИИ Н. И. ТРЯПКИНА

Вопрос веры для поэта Н. И. Тряпкина (1918 – 1999), чье творческое наследие сегодня начинает рассматриваться как продолжение классических традиций русской литературы, был основополагающим в его духовно-нравственной системе координат. Формы его выражения отражали эволюцию взглядов поэта и в разные периоды творчества зависели от новых знаний, интересов, глубины проникновения в суть вопроса, но в любом случае в его религиозной парадигме вера была синонимом высокой духовности.

Ключевые слова: вера, Н. И. Тряпкин, религиозные мотивы, духовность.

Исследуя творчество Н. И. Тряпкина как целостное явление, можно проследить, как постепенно вызревали его религиозные чувства. При этом нельзя сказать, что они были простыми и однозначными, напротив: с одной стороны, поэт искренне писал о вере в «святые твои образа», но с другой стороны мог вкладывать в уста своих героев явные сомнения, что дает право задать вопрос – совместимы ли подобные противоречивые чувства и могут ли они сосуществовать одновременно? Вместе с тем можно с уверенностью сказать, что Н. И. Тряпкин был человеком, которому Божье провидение и воля высших сил виделись во всем. Прежде всего, это касалось природы, где каждое явление или объект он рассматривал как явление высшего порядка.

В начале своего творческого пути Н. И. Тряпкин был более склонен к миру древних верований с его многосложной и разноцветной пантеистической палитрой. При этом образы Христа и Богородицы для него всегда были в ореоле величия. В стихотворении 1980 года «Это было в ночи, под венцом из колючего света...» его лирический герой поистине с христианским смирением обращался к Богородице, страстно умоляя простить «за скитанья мои среди скорбных селений земных», за неверность и кривду. И в том же году он пишет стихотворение «Идол»: «Ты песня или сказ / Амурского друида? / С нагорья прямо в нас / Глядится древний идол» [3, с. 383]. Вера жила в душе поэта, незримо пребывала в нем, когда он словно заглядывал в глубины глубин, давно канувшие временные пласты и будто слышал старинные сказы и были, заговоры и молитвенные песнопения, и эта вера была для него живой и спасительной, и звучала, как «бубен мирозданья». Одновременно с этим в его творчестве присутствует то, что называется дуализмом сознания, подобное наблюдается, например, в стихотворении того же года «Легенда», где поэт горестно восклицал: «Устали волхвы. Да нет и Иуса». Невольно встают вопросы: куда в таком случае преклонить человеку голову и не напоминает ли это душевные метания, но на наш взгляд, это скорее диалектика, этап развития души, находящейся в поиске истины и смысла жизни.

Поэт с юных лет был словно окружен образами из мира древних верований, и этот мир для него был одушевленным, населенным, – ибо так велось и шло из глубины веков, чем особенно славился Русский Север. «И никакая предзимняя мгла, никакая тьма за окнами, ни пустующие пруды и

стылая вода не страшны были человеку, если у него был теплый кров, во дворе – поленница дров и собака у порога. А главное – огонь в печи, жар золотых угольков» [2, с. 80]. Поэт, с молодых лет очарованный Русским Севером, поэтикой старинных поверий и былей, на всю жизнь оказался в плену их красоты. И его духовное созревание, хотя и было постепенным, началось именно здесь, на севере, когда он окунулся в стихию старинной русской культуры.

Иногда поэт с юмором писал о своих верованиях и суевериях. Например, в стихотворении 1981 года «Говорят, что в Нью-Йорке...», где речь идет о некоей сверхновой военно-технической новинке американцев, пугающей всех своими громоносными звуками, поэт называет себя «советским безбожником». И тут же добавляет, что от суеверного страха он становится «пред свечой» и одновременно поклоняется «деревьям и птахам».

Но его озорное поэтическое перо вдруг меняет свое настроение, и перед лицом военной угрозы и всемирной катастрофы поэт уже серьезно, даже с горечью говорит: «Нам и так еще хватит вселенского мрака и холода / И безмерной страды – проноситься по Млечным туманам...» [3, с. 327]. В стихотворении того же года он с грустью замечал, что его хранит от одиночества «крестьянская душа». Наверное, не только от одиночества хранила его крестьянская душа, и не только хранила, но и давала силы: «И всеми стужами вселенскими / Не заглушить моих углей. / Горю дровами деревенскими, / Дышу от дедовских печей» [3, с. 241]. Возможно, именно таков секрет человеческого счастья по Н.И. Тряпкину – тепло «дедовских печей», от них – и защищенность, и надежда, и вера.

Стихи Николая Тряпкина раскрывают нам его как человека большого гражданского мужества, так как темы, поднимаемые им в восьмидесятых годах XX века, время официального атеизма, были далеко не безобидны. В 1982 году он написал два пронзительных стихотворения о разрушении храма в родном селе и личной причастности к этому его семьи. «Он стоял здесь давно, золотясь в поднебесной прохладе, / Посредине села, да у тех ли базарных рядов...», – с нотой ностальгической тоски писал он в стихотворении «Песнь о российском храме».

Здесь отразилось всё, все самые горькие чувства поэта и человека – и немилосердная боль, и ощущение утраты, и осознание собственного бессилия что-либо изменить, и чувство вины за содеянное. Русский человек, как, впрочем, и любой другой, нормальный и трезвомыслящий, по природе своей созидатель, он не может разрушать по собственной воле, и когда ему по каким-либо причинам приходилось это делать, это всегда приносило ему настоящие муки. Картины разрушенных храмов в наших соотечественниках, переживших эти времена, вселяли ужас – и потому, что это были именно храмы, «Божьи дома», и потому, что сама картина разрушения воспринимается ими как противоестественная.

Но пришли времена – и замолкли здесь медные гулы,
И поднялся над ним растревоженный галочий хор.
И свернули ему динамитом кирпичные скулы,
И сорвали с него золотой поднебесный убор [4, с. 43].

Еще более горестные чувства охватывают поэта в стихотворении с прозаическим названием «Стихи о борьбе с религией», в котором отражена реальная жизненная ситуация из истории семьи, когда его отцу лично

пришлось участвовать в разрушении храма. И юный герой (стихотворение – автобиографическое) растерян, он не знает, как ему относиться к этому неожиданному и страшному сообщению отца и его предложению «покопаться в книгах» перед взрывом храма. Он чувствует, что будто споткнулся или надломился, ведь он не готов был к такому повороту событий, и в душе его жили совсем иные настроения, когда «юность звенела во все сухожилия и взывала к созвездьям и вечным скрижалям земли». Он осознает, что любит «эти главы, взлетающие к высям безвестным, и воскресные звоны, и свист неумных стрижей». Он не знает, как ему поступить в такой ситуации и как скрыть нахлынувшие чувства, несмотря на то, что он «не чтит святых и, на церковь взглянув, не крестился». Но при этом величественный вид храма вызывал у него волнение и возвышенно-прекрасные чувства: «Замирала душа, и дрожало свечное мерцанье, / А гремящие хоры свергали волну за волной. / И все чудилось мне, что ступил я в предел Мироздания / И что вечность сама возжигала огни предо мной [3, с. 442].

И вот этим чистейшим чувствам суждено было стать опороченными, погубленными, растоптанными, храм в итоге был взорван. И картина этого разрушения написана поэтом с такой пронзительной силой, что вряд ли найдутся в отечественной поэзии более убедительные примеры.

И пришел я туда – посмотреть на иную заботу!
Не могу я теперь позабыть той печальной страды, –
Как отцовские руки срывали со стен позолоту,
Как отцовский топор оставлял на иконах следы [3, с. 442].

После этих слов человек, в душе которого живет ощущение собственной связи с мирозданием, невольно спросит себя и других: что такое вообще вера? – Это чувство единения с Богом, моральная опора человека, нравственные мостки? И что она дает человеку – защищенность, уверенность в собственных силах, светлую надежду или это просто соломинка слабого человека, не могущего и не желающего понять, что жизнь конечна. «Осознание конечности собственного существования и малой значимости в мироздании делает человека уязвимым, слабым, безвольным и вселяет в него ужас – перед громадностью прошедших веков и громадностью веков будущих. И где-то посреди них ничего не значащей пылинкой, вернее, пылинкой пылинки видится ему он сам – крохотный, тщедушный, ничего не значащий, ничего не весящий на космических весах, ничего не знающий ни о рождении и смерти. И ничего не смыслящий в загадках природы, но смеющий думать о какой-то своей роли в истории...» [2, с. 82].

Но есть у веры одно бесценное качество, которое она дает человеку. И наверное, самое главное, что она дает, это совесть. Толковый словарь говорит нам, что совесть – это «чувство нравственной ответственности человека за свое поведение» [1]. Но мы однозначно можем сказать, что совесть – такое же древнейшее чувство, как и сам человек, и хотя в сегодняшней действительности его значение значительно снижено, все же оно продолжает оставаться высоко ценным и необходимым как мерило морально-этического уровня личности.

Однако случается, что совесть утрачивает свою остроту, и тогда на земле происходит страшное – ведутся войны, льется кровь, рушатся храмы. Лирический герой переживает мучительные чувства, но переживая этот

«сумрак незнания», он верит, что человек со временем осознает свое невежество, и что он приходит в мир все-таки не для того, чтобы разрушать, а для того, чтобы строить. В заключительной строфе герой просит прощения и у Бога, и у человека, а именно – у своего внука за порушенную память, и это позднее раскаяние звучит столь искренне и порывисто, что всей душой верится в его очищающую Правду: «Пусть послушает внук – и на деда не смотрит столь криво: / Хоть и робок бывал, а любил все же правду старик!.. Ты прости меня, Боже, за поздние эти порывы / И за этот мой горестный крик» [3, с. 443].

Вера предков хранила Н. И. Тряпкина от «злой судьбины», в одном из стихотворений он обронил строчку: «И свой горестный век я с того и не кончу в безверье, / Что хранила меня золотая отцова стреха...». Молодым поколениям, да и немолодым, но городским жителям надо объяснять, что такое стреха, и что это – нижний, свисающий край крыши деревянного дома, избы. Значит, именно эта кровная связь становилась мостком, опорой и оберегом, дающим поэту настоящую веру – веру в жизнь и ее торжество.

Мы часто говорим, что настоящий поэт – всегда пророк, ибо он умеет подняться над частным интересом и зреть суть с высоты своего духовного видения. Более того, настоящий поэт является выразителем национальных интересов, умея подняться до значимых обобщений и высказать в художественной форме общечеловеческие законы и нормы. Вот и Николай Тряпкин, являясь подлинно русским национальным поэтом, умел увидеть брата не только в русском человеке, и при этом он умел понять чувства любого верующего – будь перед ним кто угодно. Так в стихотворении «Обращение неопита к народу у дверей первого христианского храма» устами этого неопита он воскликнул: «Это – хижина совета, церковь Нового Завета, / Ибо Старого Завета закрывается Ковчег! / Посмотрите, посмотрите: сколько ласки и привета! / Сколько радости и света, несказанного навек!» [3, с. 407]. И разве у кого-то хватит смелости сказать, что это стихотворение написано не со всей искренностью и проникновением в душу героя – христианского неопита?

Есть и другие стихотворения, где так или иначе звучит религиозная тема («Проклятье», «Вербная песня»). Кажется удивительным, как в его произведениях сочетались завуалированное советское безбожие и подлинная, глубокая набожность. Так, например, в стихотворении «Вербная песня» 1994 года поэт, удрученный крахом советской страны, державы, воспитавшей и взрастившей его (он – сын своего времени), неожиданно обращается с молитвой к Христу:

Господь! Всеблагой Иисус!
 Воскреси мое счастье земное.
 Подними Ты мой красный Союз
 До Креста Своего аналоя [3, с. 348].

И разве кто-нибудь после этих строк может усомниться в неверии поэта, вот уж истинно: «Жизнь от Бога до порога, / От порога и до Бога, – / До чего же это много! Понимаешь ты иль нет?». Вера, несомненно, жила в душе Н. И. Тряпкина, но формы ее выражения зависели от разного – настроения, новых знаний, личных интересов, глубины проникновения в суть вопроса. Так поэт решал для себя вечный вопрос веры, и в его религиозной парадигме это всегда было синонимом высокой духовности.

Литература:

1. Ожегов С. И. Словарь русского языка : Ок. 57 000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н. Ю. Шведовой. – 17-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1985. – 797 с.
2. Рыжкова-Гришина Л. В. Свеча Земли. Творческий путь Н. И. Тряпкина: Монография. – Рязань: Скрижали, РИБиУ, 2012. – 294 с.
3. Тряпкин Н. И. Горящий Водолей / Сост., вступ. ст. С. С. Куняева. – М.: Молодая гвардия, 2003. – 493 с.
4. Тряпкин Н. И. Излуки. Стихотворения. – М.: Молодая гвардия, 1987. – 159 с.

Об авторе: **Рыжкова-Гришина Любовь Владимировна** поэт, прозаик, филолог, член Союза писателей России, кандидат педагогических наук, лауреат международных и всероссийских научных и литературных конкурсов (Москва, Санкт-Петербург, Сочи, Новосибирск, Старый Оскол, Казантип, Белинский, Киров, Берлин и др.), основатель научной школы по русскому языку и развитию речи, профессор РАЕ, награждена золотой медалью «За новаторскую работу в области высшего образования»; автор 400 публикаций, из них 30 книги, среди которых: монографии и др. научные труды по русскому языку, литературоведению («Развитие речи», «Огненный витязь», «Свеча земли»); исторические, публицистические работы («Духовные воители Руси», «Русь легендарная», «Баташевские гвозди»); поэтические книги («Сотаинник», «Зарифмованный дворец», «Августейшая ночь», «Зерно Творца», «Мировая Душа», «Начало света»); книги прозы («Хомо скрибенс», «Золотая пыльца»); книги для детей и юношества («Волшебный букварь», «Веселое лукошко», стихотворные азбуки), переводы (со шведского и болгарского).